

Глава 43. Побег (1)

Казалось, лёгкие сжались.

Закрывал ли я глаза или открывал, я видел лишь одно.

Красный цвет.

Пламя, не такое уж большое, не такое уж яркое, но оно определённо поглотило всё моё тело.

Ощущение плавящейся кожи было таким ярким.

Этот отвратительный запах горящей плоти и волос, который поднимался в воздух и заполнял ноздри.

Прошло совсем немного времени с того момента, как я не мог даже закричать, а тело уже в порядке.

Оно не горит.

Хотя мне по-прежнему кажется, что горит.

Определённо, сейчас мне не было больно.

Но где-то болело.

Определённо, где-то болит.

Холодный пот стекал по спине, пропитывая рубашку.

Я тяжело дышал, плечи судорожно вздымались от гипервентиляции.

В этой комнате не было ни огонька, но кожа по-прежнему горела.

[Соберите концовки. 3/?]

[Собранная на данный момент награда: Послеобраз]

[Награда: Возвращение в родной мир, ??]

Бледно-голубые буквы, появившиеся перед глазами, слабо дрожали.

Я видел, что в сообщении что-то изменилось, но мозг не мог как следует обработать эту информацию.

Отмахнувшись рукой, я, шатаясь, встал.

Нужно было на что-то опереться.

По привычке я пошарил в карманах и достал сигареты и спичечный коробок.

Привычным движением зажал сигарету в зубах.

Проблема возникла дальше.

Я открыл коробок, достал одну спичку и чиркнул.

Вместе со звуком трения рука в тот же миг застыла.

Чирк.

Тело окаменело.

Оранжевое пламя, вспыхнувшее на маленькой спичечной головке.

Оно охватило дерево и, наконец, коснулось кончиков моих пальцев, оставив маленький ожог, и тут же погасло.

Рука, державшая спичку, судорожно задрожала.

Я бессильно уронил догоревшую спичку на пол.

Сигарета осталась во рту, но я так и не смог её подкурить.

От какого-то странного чувства я подошёл к ящику и достал револьвер.

Медленно, патрон за патроном, зарядил его и засунул за пояс.

Только тогда чувство тревоги, кажется, немного улеглось.

Если бы не Серафина.

Если бы я не любил Серафину.

Если бы не ходил с Эстель.

Если бы я не испытывал симпатии к Эстель.

Если бы я послушал Левину.

Нет, если бы условия были такими, чтобы я мог послушать Левину.

Если бы Серафина приняла меня.

Если бы Серафина не бросила меня.

Если бы Эстель не покинула меня.

Если бы Эстель осталась рядом.

Мысли обрывками всплывали в голове.

Ни одна не задерживалась надолго.

[Соберите концовки. 3/?]

[Собранная на данный момент награда: Послеобраз]

[Награда: Возвращение в родной мир, ??]

— ...Не хочу умирать.

Я постоял на месте, а потом бесцельно зашагал по комнате.

Шесть шагов влево, восемь вправо.

Без всякой особой причины.

Сквозь щель в окне пробивался слабый свет.

Кажется, утро.

Свет был мне неприятен.

Я задёрнул шторы.

Плотная ткань полностью заблокировала свет.

И просто сел на край кровати, застыв.

Холодный пот по-прежнему ручьём тёк по телу.

Ощущение прилипшей к коже рубашки было неприятным.

В этот момент мой взгляд упал на знакомый конверт на столе.

Дорогая пергаментная бумага с тонким ароматом, которую я выбирал лично.

В правом углу конверта был вытиснен маленький узор сирени — единственное, что, по словам Серафины, ей нравилось.

Письмо, значит, письмо.

Серафина ведь сожгла письмо.

Прямо передо мной, моё письмо.

Говоря, что всё, что я даю, отвратительно.

Серафина ведь сожгла меня.

Пришла с этим грёбанным Кайлом и меня...

О чём я думал, когда вернулся в прошлый раз?

Я ведь собирался умолять Серафину, как собака, просить любить меня, не бросать меня.

Кажется, я делал что-то похожее, но меня ведь бросили.

Я снова встал и долго, как потерявшаяся собака, бродил по комнате, а потом сел на диван и начал тереть лицо.

Ощущения не покидали тело.

Скрип.

Со знакомым звуком открылась дверь.

Неприятный звук старых петель.

— Сигареты, ты, кажется, и правда бросил. Кстати, позвал меня, а сам почему здесь... Лавин?

Послышался голос сзади.

Это была Серафина.

От неё, как всегда, исходил лёгкий аромат сирени.

— Лавин, ты в порядке?

Спросила она, подходя ко мне.

В голосе слышалось беспокойство.

Это был тот же голос, что я слышал всегда, но он звучал как-то иначе.

— А, да. В порядке. Просто немного нездоровится.

Я изо всех сил старался отвечать как ни в чём не бывало.

Но голос не слушался.

Она оглядела комнату.

Характерный звук её шагов разнёсся по полу.

И она долго смотрела на стену, где остались следы от чего-то, что там висело.

Раньше на этом месте висел пейзаж, который она швырнула мне в качестве подарка на день рождения.

Теперь там остался лишь шрам от гвоздя.

— Мы же договаривались сегодня встретиться, Лавин.

Я не ответил.

Она присела на край моей кровати и посмотрела на меня.

Мы некоторое время молчали.

Повисла тишина.

Не такая уж и неловкая.

И вдруг Серафина подошла ко мне.

С какими-то затуманенными, словно под кайфом, глазами.

Она остановилась прямо передо мной и, протянув дрожащую руку, коснулась моей шеи.

Вздрос.

Холодные пальцы скользнули по затылку.

Пробежали мурашки.

Прикосновение Серафины показалось неприятным.

Впервые. Впервые с тех пор, как я здесь.

Она смотрела на меня затуманенным, отрешённым взглядом.

А потом начала медленно гладить мою шею, плечи, руки.

Словно что-то проверяя.

Когда её прикосновение достигло предплечья, я схватил её за руку.

И слегка отстранил.

Серафина некоторое время тупо смотрела на меня, а потом вздрогнула.

И, словно про себя, очень тихо пробормотала:

— ...Ах.

Она посмотрела на свою руку.

А потом снова на меня.

Её глаза забегали.

— Только что... мне показалось, что тебе больно, и что-то странное привиделось. Прости.

Серафина, попятившись, села на диван.

В комнате снова воцарилась тишина.

На этот раз удушьящая, а не привычная.

Серафина, посмотрев на письмо на столе, тихо сказала:

— Письмо, ты снова написал.

— Писал.

— Можно прочитать?

Я не ответил.

Серафина, видимо, приняв это за молчаливое согласие, начала открывать конверт.

Шорох бумаги прозвучал особенно громко.

Но прежде чем она успела достать письмо, я выхватил у неё конверт.

Пальцы Серафины застыли в воздухе.

Я молча, аккуратно сложил письмо и снова засунул его в конверт.

— Ты...

Наконец заговорила она.

Голос был слабым, словно доносился из-под воды.

— Не говори о разрыве помолвки.

— ...Откуда ты услышал?

— Это ведь очевидно. Если уж ты и заговоришь.

— Тогда почему ты ведёшь себя так, будто ничего не произошло?

— А если я сейчас начну умолять, ты меня примешь?

— Ты ведь по-прежнему, ни капли, ни на йоту не меняешься, а Лавин, ты...

Я встал и подошёл к ней.

Схватив Серафину за плечи, я приблизил своё лицо к её.

В её зрачках отразилась моя фигура.

— Не называй меня Лавином.

— А, ну что, может, мне называть вас негодяем-господинчиком из рода Эдельгард?

— Делай что хочешь. В твоих глазах я ведь всегда такой.

— Не в моих, а для всех...

— Попытка пожертвовать в приют, чтобы хоть как-то исправить репутацию, и немного потраченных денег на поддержку бедных детей... да, точно. Даже если ты мневеришь, другие не поверят.

Всё ведь было представлено так, будто это ты меня заставила.

Даже ты мне не поверила, так что и говорить не о чем.

— Это... это, прости.

Серафина, как всегда, прикусила нижнюю губу и посмотрела на меня снизу вверх.

В её глазах стояли слёзы, но она не плакала.

Разговор снова прервался, и в комнате слышалось лишь прерывистое дыхание Серафины.

— Рядом с тобой я чувствую себя просто жалким.

Кажется, что бы я ни делал, уже решено, какой я человек.

— То, что ты делал до сих пор...

— А что я делал до сих пор! Я что, блять, сделал что-то настолько плохое, чтобы заслужить смерть в огне?!

— Ч-что ты такое говоришь... ук, у-уф...

В этот момент глаза Серафины расширились.

Её взгляд был устремлён на меня, но, расфокусировавшись, смотрел на что-то другое.

Она поспешно зажала рот рукой, и её стошнило.

Я на мгновение растерялся и отпустил её плечи.

Серафина, приложив платок к губам, продолжала давиться рвотными позывами.

К счастью, пол ничего не испачкало.

Хотелось закурить.

Хотя теперь я стал идиотом, который даже не может подкурить.

В голове всё смешалось.

— Говоришь, я не меняюсь, всегда, такой же.

Это ведь ты не меняешься.

С самого детства, совсем не думая о том, как выросла, да, всего лишь Серафина.

У меня ведь и положения не было, чтобы заговорить с Левиной.

— ...Ты сейчас о том, что я с детства тебя, тебя толком, ук, не поддерживала, и поэтому так вышло?

— Нет. Так вышло, потому что ты мне не веришь.

Ты ведь неверишь мне, даже если я умру.

Мы до помолвки даже друзьями не были.

Потому что не доверяем друг другу.

Я достал засунутый обратно конверт и разорвал его.

Клочки бумаги с ароматом сирени разлетелись по полу.

— Или, Серафина, я сделаю всё, что ты скажешь.

Если ты сейчас попросишь умереть, я умру.

Если скажешь измениться, изменюсь.

Если скажешь жить вдвоём, ты слушаешься?

Серафина хотела было кивнуть, но не смогла ничего сказать.

Её губы лишь несколько раз шевельнулись.

Я знал, что она из тех, кто поддаётся, если на неё надавить, но и я не хотел так поступать.

— С тобой мне мучительно.

Я встал.

И молча вышел из комнаты.

Я даже не закрыл дверь.

Я не хотел её видеть.

<http://erolate.org/book/1526/189223>